

За дверью раздался оглушительный грохот.

Это был не стук. Это был удар ноги, выбивающий дверь. Сразу после этого в прихожей раздались тяжелые шаги — те самые шаги, пропитанные алкоголем и яростью, в которых каждый шаг звучал так, будто собирался проломить пол. Затем послышался голос Эйлин, тихий и испуганный, полный оправданий, но не успела она договорить, как ее прервал грубый окрик:

— Где деньги?! Куда ты, стерва, спрятала деньги?!

Вернулся Тобиас.

Краска мгновенно сошла с лица Северуса. Его тело напряглось, словно натянутая до предела струна, готовая порваться в любую секунду. Его взгляд метнулся к двери — она была заперта, но эта тонкая деревянная доска ни за что не смогла бы остановить обезумевшего взрослого мужчину.

Внизу раздался глухой стук, а затем звук разбитой фарфоровой посуды. Эйлин издала короткий, оборванный визг, который тут же затих, словно ей зажали рот чем-то тяжелым.

Руки Северуса дрожали. Но он все же повернулся к тебе и сказал голосом, чья неестественная для его возраста ровность была выжатой из последних сил:

— Превращайся обратно. Уходи через окно. Быстро.

Ты посмотрела на него. На его бледное лицо, на сжатые кулаки, на промелькнувший на дне глаз страх — он боялся вовсе не за себя. Он боялся, что обнаружат тебя.

Внизу снова раздался глухой удар, перемешанный с невнятной руганью Тобиаса. Эйлин плакала.

Видя, что ты не двигаешься, Северус заговорил еще быстрее, и в его голосе проступили никогда прежде не звучавшие нотки мольбы:

— Сия, послушайся — уходи скорее, он сейчас поднимется...

Ты опустила голову и закрыла глаза. Белый свет пронесся по твоему телу, и ты снова обратилась белой лисицей. Но он не успел даже выдохнуть с облегчением, как ты вцепилась зубами в его штанину и изо всех сил потянула в сторону.

Он остолбенел:

— Ты что делаешь...

Ты не разжала челюстей. Собрав все силы, ты потащила его от кровати к старому письменному углу в комнате. Под письменным столом находилось небольшое пространство, скрытое свисающей скатертью — оно было тесным, но как раз достаточным для того, чтобы в нем свернулся худенький мальчик. Ты первая заскочила внутрь, а затем обернулась и посмотрела на него, тревожно шлепая хвостом по полу.

Северус стоял неподвижно, слегка приоткрыв рот, словно собираясь что-то сказать. Крики внизу внезапно взмыли на октаву выше, и его плечи судорожно дернулись.

Он больше не сомневался. Он нагнулся и залез внутрь.

Скатерть опустилась, отрезая свет снаружи. В тесном пространстве вы жались друг к другу: его колено упиралось тебе в спину, а твой хвост беспомощно лежал на его ногах. Ты чувствовала его сердцебиение — слишком быстрое, эта бурная дрожь передавалась даже сквозь одежду. Его дыхание было поверхностным и частым, будто кто-то сжимал горло мертвой хваткой.

На лестнице раздались шаги. Тяжелые, шаркающие шаги, поднимавшиеся ступень за ступенью. С каждым новым звуком тело Северуса натягивалось сильнее. Его пальцы мертвой хваткой вцепились в собственные штанины, костяшки побелели, а ногти почти вонзились в ткань.

Шаги замерли за дверью.

Дверь резко распахнулась и с грохотом ударилась о стену. Тобиас стоял на пороге, тяжело дыша и обводя комнату беглым взглядом. Он увидел пустую кровать, разбросанные книги, полуоткрытое окно. Выругавшись, он постоял в дверях еще пару секунд, а затем развернулся и ушел. Шаги удалились по коридору, сбежали вниз по лестнице, и снова раздался оглушительный грохот захлопнутой двери.

В доме стало тихо.

Но Северус не шевельнулся. Он по-прежнему застыл в той же окоченевшей позе, свернувшись калачом под столом, прижимая колени к груди и вцепляясь пальцами в штанины; его глаза были прикованы к какой-то пустой точке впереди, зрачки слегка расширены. Дыхание оставалось прерывистым, словно он забыл, как нужно дышать нормально.

Он знал, что пока в безопасности. Но его тело еще не знало об этом. Его тело продолжало ждать следующего удара кулака.

Ты повернулась к нему лицом.

Аккуратно подняв переднюю лапку, ты положила ее ему на колено. Он никак не отреагировал. Подавшись чуть ближе, ты уткнулась носом ему в грудь, ощущая, как его чересчур быстрое сердцебиение отзывается через ребра прямо у тебя в барабанных перепонках.

А затем ты собрала свой пушистый, мягкий огромный хвост и кольцо за кольцом обернула его вокруг его запястья, словно пушистым пледом, нежно и надежно укутывая его холодные пальцы.

Его пальцы судорожно дернулись в твоей шерсти, а затем медленно-медленно разжались.

Он опустил голову и зарылся лицом в мех на твоей макушке. Ты почувствовала, как его лоб упирается тебе в череп, как его ресницы касаются основания твоих ушей, а дыхание, слегка влажное и дрожащее, овекает твою шерсть.

Он не плакал в голос, но ты почувствовала, как несколько теплых капель упали тебе на макушку, скатились по шерстинкам и исчезли где-то внизу, куда ты не могла заглянуть.

Так вы и сидели, забившись под маленький письменный стол: белая лисица и хрупкий мальчик, тесно прижавшись друг к другу в пыли и тени.

Его пальцы наконец разжали измятую ткань штанов и вместо этого перехватили ту лапу, что лежала у него на колене, сжав её очень крепко — так держатся за единственное, что еще можно удержать.

Снаружи подул ветер, взметнув край скатерти, тонкая полоска света качнулась у ваших ног и снова погасла.

Ты услышала донесшийся снизу тяжелый стук хлопнувшей двери, а затем шаркающие шаги, которые удалялись, исчезая в направлении улицы.

В доме долго стояла тишина, нарушаемая лишь редким бульканьем старых труб да шелестом ветра в верхушках деревьев за окном.

Северус не шевелился. Он все так же сжимался в том углу, прижимаясь лбом к твоей голове, сжимая в руке твою лапу, а его дыхание стало медленным и тяжелым.

Ты чувствовала, как его тело постепенно отпускает напряжение, словно пропитанная влагой веревка, которая понемногу теряет недавнюю жесткость, противостоявшую всему на свете.

Ты легонько подтолкнула его носом в подбородок. Он не отреагировал.

Тогда ты толкнула его еще раз, выбралась из его объёмов, вылезла из-под стола и оглянулась

на него.

Он сидел в полумраке, и край свисающей скатерти делил его лицо пополам на свет и тень; его глаза были опущены, и прочесть эмоции на них было невозможно.

Ты прихватила зубами его штанину и слегка потянула наружу.

Только тогда он поднял голову и посмотрел на тебя. Ты отпустила его штанину, качнула хвостом по его запястью, сделала два шага к окну и снова обернулась на него — значение было предельно ясным: иди за мной.

Помолчав несколько секунд, он с опорой на землю поднялся на ноги.

Когда Северус спрыгнул из окна на землю, его качнуло, и он опустился на колени, но тут же встал, отряхнул пыль с брюк и ничего не сказал.

Ты шла впереди него по той самой тропинке, по которой ходила бесчисленное количество раз, мимо заросшей сорной травой поляны за Прядильным тупиком, огибая остов брошенной машины, и вела его прямо к реке.

Он не спрашивал, куда вы идете. Он просто следовал за тобой шагом ни быстрым, ни медленным, глядя в землю и наблюдая за тем, как качается из стороны в сторону твой хвост.

У реки дул сильный ветер.

Осенняя река обмелела сильнее, чем летом, обнажая рыжеватую грязь на обоих берегах и переплетенные корни деревьев.

Листва на той кривобокой иве облетела больше чем наполовину, и от каждого порыва ветра сухой листвой сыпало вниз, а некоторые листья падали прямо на воду и медленно уплывали по течению.

Небо приобрело тот самый серо-синий оттенок, свойственный глубокой осени; облака были высокими и тонкими, а солнечный свет косыми лучами пробивался сквозь трещины в облаках, расстилая по глади реки россыпь золотых осколков.

Подойдя к иве, ты нашла относительно сухой клочок травы, свернулась калачом и улеглась, после чего подняла на него глаза.

Он постоял рядом с тобой какое-то время, а потом опустился на землю. Он не стал вытаскивать книгу, как делал обычно, и ничего не говорил. Он просто сидел, сложив руки на коленях, и отсутствующе смотрел на речную гладь.

Ветер трепал его спадающие на лицо черные пряди, обнажая свежий синяк на виске — пожалуй, он ударился им только что под столом, а может, тот был у него и раньше, просто ты не замечала.

Подвинувшись ближе, ты прижалась к нему и положила голову ему на колени.

Его рука поднялась, легла тебе на затылок и принялась механически, машинально гладить тебя по шерсти. В этом движении не было никаких эмоций — лишь рефлекторная привычка. Но дыхание его стало намного ровнее, чем раньше.

Шум текущей воды казался особенно отчетливым в этот пустой полуденный час. Где-то вдалеке кричала птица: прокричит пару раз и умолкнет, а потом снова начинает. Ивовые листья все падали и падали, и один из них приземлился прямо тебе на ухо — Северус протянул руку и аккуратно смахнул его.

— Иногда... — заговорил он, и голос его звучал так тихо, будто он боялся что-то спугнуть, — мне хочется превратиться в птицу. Или в рыбу. Или в дерево.

Его пальцы замерли на твоей шее, перестав гладить.

— Чтобы ни о чем не думать. Ничего не бояться. Просто жить — и всё.

Ветер развеял его слова. Приподняв голову с его колен, ты повернулась к нему лицом, а затем коснулась мокрым носом тыльной стороны его ладони. Он посмотрел на тебя, уголки его губ дрогнули — он попытался выдавить из себя усмешку, но у него не получилось.

Встав на лапы, ты отступила на два шага назад, опустила голову и закрыла глаза. Белый свет пронесся по твоему телу, кости вытянулись, облик изменился.

Мгновение спустя перед ним стоял человек — все в той же просторной старой рубашке и шортах, белые длинные волосы растрепались прядями из кривого хвоста, на макушке торчали лисьи ушки, а золотистые глаза в лучах осеннего солнца сияли подобно каплям теплого янтаря.

Он замер.

Ты приоткрыла рот, и из горла вырвалось несколько невнятных звуков. Откашлявшись, ты попробовала снова.

— Не... уйду, — произнесла ты.

Голос звучал хрипло и неуверенно, словно инструмент, на котором играли впервые; интонация

хромала, но это определенно были два слова — я не уйду.

Северус широко раскрыл глаза.

Ты попыталась еще раз, на этот раз вышло более плавно:

— Я... не уйду. Поблизости... с тобой.

Налетевший ветер взметнул твои белые волосы, заставив их затрепетать на щеках. Ты протянула руку и заложила прядь за ухо — пушистые белые лисьи ушки качнулись в такт движению. Глядя на него, ты серьезно, по слогам выговорила свое первое произнесенное в человеческом облике предложение:

— Никуда не уйду.

<http://bllate.org/book/21197/2145817>